

Раздел III

ИЗ АРХИВА ПЛАТОНОВСКОГО ОБЩЕСТВА

Материалы
12-й историко-философской конференции
«УНИВЕРСУМ ПЛАТОНОВСКОЙ МЫСЛИ:
ВОСЕМНАДЦАТЬ СТОЛЕТИЙ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ПЛОТИНА. ПЛОТИН И МИРОВАЯ ФИЛОСОФИЯ»
24 июня 2004 г.
Русский христианский гуманитарный институт
Санкт-Петербург, Фонтанка, 15

Р. В. СВЕТЛОВ, А. В. ЦЫБ

ПЛОТИН И МИРОВАЯ ФИЛОСОФИЯ

Очередная конференция «Универсум Платоновской мысли» приурочена к еще одной знаменательной для истории европейской культуры дате, выпадающей на начало нового века и нового тысячелетия — 1800-летию со дня рождения великого мыслителя-неоплатоника Плотина. Данная вежа в истории нашей цивилизации порождает, по крайней мере, две интенции философствующего сознания наших современников: задачу подведения определенных итогов, ретроспективного анализа истории философской мысли в ее непосредственной связи с историей платонизма, и постановку многочисленных и неоднозначных вопросов о перспективах всей европейской метафизики.

Плотин (204–268/9) был не только основателем неоплатонизма — одного из самых ярких философских течений в истории античности, но и значительнейшей фигурой в истории европейской мысли. Он привлекал к себе пристальное внимание во все эпохи — от позднеантичной до современной. Особенно показателен XX век, когда происходили многочисленные конференции, посвященные наследию Плотина, публиковались новые и новые версии переводов его «Эннеад» (более десяти на основных европейских языках), одновременно немалое число эзотерических организаций записывало его в ряды своих легендарных основателей.

Вообще, оценки Плотина всегда были резко полюсными — от принципиального отторжения его философии и самой его фигуры (здесь объединяются такие фигуры в истории философии, как Григорий Палама, на самом деле испытавший огромное воздействие неоплатонизма, и авторы марксистских учебников по истории философии) до полного его принятия (Марсилио Фичино).

Значительную роль Плотин сыграл и в истории русской философии. Его интерпретация платонизма полубессознательно была перенесена и на самого Платона, о чем свидетельствует образ Платона в философии Вл. Соловьева и Н. А. Бердяева.

Многие черты неоплатонического понимания ума как симфонической личности можно увидеть и в экзистенциальном персонализме Н. А. Бердяева, и в интуитивизме Н. О. Лосского.

Вместе с тем сочинения Плотина до сих пор остаются terra incognita для отечественных читателей, а порой и историков античной философии. До сих пор не опубликованы переводы большей части трактатов II, III, IV, VI «Эннеад», да и в переводах оставшихся «девяток» существуют значительные лакуны. К тому же до сих пор переиздаются переводы некоторых V и VI девяток, выполненные более ста лет назад выпускниками Нежинской гимназии под руководством проф. Малеванского и, судя по всему, на основе переводов Плотина на немецкий язык. Печальный характер этой ситуации очевиден, если взять том «Русского Плотина» — сборника всех (точнее — почти всех) переводов отдельных сочинений Плотина на русский язык, вышедший в 1995 г.

Творчество Плотина должно быть предметом серьезного рассмотрения не только потому, что мистическая и интуитивистская стороны его наследия были широко восприняты русской философией, и даже не потому, что неоплатонизм в целом оказал значительное формирующее воздействие на византийскую культуру, а через нее и российскую, но и в связи со значительностью вклада мыслителя в интеллектуальную и духовную историю Европы.

Организаторы данной конференции видят следующие основные черты творчества Плотина, выделяющие его из платоновской традиции.

- Тема начала. Плотин был первым, кто поставил своеобразный «метафизический эксперимент». Он задался вопросом: как можно помыслить абсолютно трансцендентное условие бытия и знания полноправным и деятельным началом всего? В результате сложилась концепция единого, понимаемого и как трансцендентное начало, и как благо, таинственным образом порождающее все и заботящееся обо всем, пронизывая сущее своим присутствием, и как принцип единства любого из существующих, своего рода мистический след первоначала.

- Постановка вопроса об уме как сущем. По сути это вопрос о предметном содержании ума, источнике последнего и о границах знания. Критикуя Нумения, Плотин не только выступил против «аристотелизма» в учении о начале, но и обнаружил практически неисчерпаемую проблему предметной области мышления (или, говоря по-иному, реального денотата мыслимого объекта — вне зависимости от того, является ли этим нечто «внешнее», или речь идет о данностях самого ума).

- Новая интерпретация платоновского «Парменида». После Плотина никто из платоников уже не осмеливался объявить его всего лишь логико-дидактическим упражнением. Отныне гипотезы этого диалога понимаются как описания различных чинов сущего.

- Понимание языка Платона как священного, демиургического и даже теургического. Теперь любое филологическое наблюдение над рукописями сопровождалось богословскими и метафизическими разъяснениями.

- Острая постановка вопроса об отношении души частной к душе всеобщей. Концепция Плотина (частная душа — «энергия» души всеобщей) будет критиковаться более поздними неоплатониками, однако она спровоцировала бурные дискуссии.

- Особое отношение к аристотелевскому учению. Влияние аристотелизма обнаруживается еще в школах I–II столетий. Уже поэтому нельзя считать наличие аристотелевских концепций или терминологии специфической чертой именно неоплатонизма. Тем более, что аристотелевские понятия, такие как материя, сущность, сила, энергия, воспринимались неоплатониками либо через тексты самого Платона (где «сущность» и «сила» уже имеют достаточно точно фиксированный смысл), либо через их переосмысление, происходившее, очевидно, еще в рамках Древней Академии. Тем не менее в круг истолкования неоплатоников входят не

только логические и натурфилософские сочинения Стагирита (как это было принято в более ранних платонических кружках), но и «Метафизика», а также его этические трактаты.

Все эти моменты будут предметом обсуждения и анализа на конференции.

Помимо историко-философского анализа творчества Плотина предлагается обращение к следующим темам: «Плотин и мировая культура»; «Плотин и история европейской философии»; «Плотин и формирование христианского богословия»; «Плотин и русская философская мысль»; «Переводы Плотина на русский язык».

И. В. БЕРЕСТОВ

ПРОБЛЕМА «ПАДЕНИЯ ДУШИ» В ФИЛОСОФИИ ПЛОТИНА*

Цель настоящего доклада — попытаться предложить решение сложной для современных интерпретаторов философии Плотина проблемы: если мир Ума прекрасен и в нем нет никакого зла, то почему происходит «падение» из него душ, которое Плотин однозначно утверждает [IV, 3, 15, 1–4 и др.]¹. Для ответа на этот вопрос нам придется привлечь «исхождение» Ума из Единого, так как Плотин часто использует одни и те же понятия для описания обоих процессов.

Важнейшим из таких понятий является ἡ τόλμα, которое можно переводить как «дерзость, смелость, отвага, смелый или рискованный поступок». Этим словом Плотин характеризует как «отличение» Умом себя от Единого («Ум имел в некотором роде дерзость отстраняться от Единого» (VI, 9, 5, 29)), так и «падение души» из мира Ума («падение» душ из мира Ума есть «дерзость», которая осуществляется ради того, чтобы «быть самим собой» и «наслаждаться самостоятельностью (αὐτεξουσίᾳ)» (V, 1, 1, 1–7)². «Отличение» Ума от Единого, как и падение души, связано как с утратой единства, так и с привнесением «инаковости» (ἕτερότης) (VI, 4, 4, 24–26; V, 1, 1, 1–7)³. «Падение» души связано с ее стремлением отличить себя от того «целого» — мира Ума — к которому душа принадлежала до падения. В чувственном мире нарушается характерное для мира Ума тождество мыслимого и сущего. При падении душа стремится избавиться от некоторых своих возможностей, уменьшить то, что находится «в ее власти» — например, душа «избавляется» от возможности непосредственно осуществлять мыслимое. В данном контексте падение души есть «обособление» от своих возможностей, и падшая душа — как бы «часть» подлинной души (включающей «неурезанные» возможности), являющейся эйдосом в мире Ума.

¹Плотин цит. по изданию: *Plotinus. Enneads. With an English translation by A. H. Armstrong*: In 7 volumes // The Loeb Classical Library. Cambridge; Massachusetts; London, 1966–1988.

²Baladi N. Origene et signification de l'audace chez Plotin // Le Néoplatonisme. Colloques internationaux du Centre National de la recherche scientifique. Sciences humaines. Royaumont, 3–13 juin 1969. Éditions du Centre National de la recherche scientifique. Paris, 1971. P. 89–97.

³Rist J. M. The problem of Otherness in the Enneads // Ibid. P. 77–87.

* Исследование осуществлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 04-03-00537а.

© И. В. Берестов, 2005